

*Natalia P. Khvataeva,
PhD, associate professor,
Auris verlag*

The Logic of Sense in Continental Philosophy

Key words: sense, logic of sense, relations, the duality of sense, structure of sense.

Annotation: the article presents the analysis of the main and most interesting philosophical concepts of sense, which can be mainly further used for the axiological sight of linguistic studies.

Жиль Делёз, французский философ, автор теории смысла, которая в достаточной мере иллюстрирует континентальную философскую позицию. Разрабатывая теорию смысла, Ж.Делёз представляет довольно оригинальную концепцию языка. Для того, чтобы обрисовать его взгляды, необходимо рассмотреть, как он анализирует предложение. Отмечая, что многие исследователи выделяли три разных отношения в предложении, он указывает, что такой подход не является полным. Ж.Делёз определяет эти отношения следующим образом: денотация – связь высказывания с обозначаемыми им объектами; сигнификация – отношение между словами предложения, которые являются «означающим», и понятием, «означаемым», к которому эти слова отсылают, и, наконец, манифестация – выражение в предложении интенций субъекта. Эти отношения оцениваются соответственно с помощью истинности или ложности; условий истины или абсурда; достоверности или иллюзии. В любом случае, предложение берется как нечто, способное высказываться, верно или неверно, о положении дел в мире.

Недостаточность такой классификации заключается в том, что остается непонятным, как фраза коррелирует с вещами, каким образом мы понимаем смысл выражения, избегая парадоксов типа тех, которые выявили стоики. Например, Хрисипп предлагал рассуждение: «То, что ты говоришь, проходит через твой рот. Ты говоришь: телега. Стало быть, телега проходит через твой рот» (1, р. 326). Чтобы объяснение структуры языка было исчерпывающим, Ж.Делёз выделяет четвертое измерение в предложении, а именно, смысл.

Все предыдущие отношения не являются независимыми, а обуславливают друг друга. Например, манифестация, первичная в плане речи, – в выражении прежде всего проявляются интенции говорящего – зависит на уровне языка от сигнификации, которая определяет все включаемые в предложение понятия. Однако сигнификация, являющаяся условием для остальных отношений, не в состоянии возглавить первенство над денотацией, так как предложение не связано полностью с импликациями, определяющими его значение, и способно непосредственно указывать на положение вещей. Ж.Делёз, чтобы проиллюстрировать эту ситуацию, вспоминает парадокс Л.Кэррола, который сводится к тому, что заключение не может быть отделено от своих

посылок, так как постоянно будут добавляться другие послышки такого вида: «Если А и В истинны, то Z должно быть истинным», «Если А, В и С истинны, то Z должно быть истинным» и т.д. Тем не менее, заключение все же осуществляет денотацию. Это отношение предложения, в свою очередь, отсылает к манифестации.

Смысл не тождественен ни одному из этих отношений. Он не локализуем в денотации, так как ложные предложения тоже осмысленны, его не вычленишь ни в манифестации, ни в сигнификации, которые заставляют нас двигаться дальше по замкнутому кругу. Смысл независим от этих отношений, он их безусловное условие. Мы сразу оказываемся в поле действия смысла выражения, даже если остальные отношения ещё не реализованы. Именно он осуществляет связь слов и вещей, и он генерирует все остальные отношения предложения. Смысл выражается в предложении, определяет функционирование языка, хотя и является независимым элементом в нем, также принадлежащим положению вещей, как и предложению, их описывающему. «Смысл – это и выражаемое, то есть выраженное предложением, и атрибут положения вещей. Он развернут одной стороной к вещам, а другой к предложениям ... Он является именно границей между предложениями и вещами», так характеризует его Ж.Делез (2, р. 38).

Дуальность слов и вещей, которые координируются смыслом, очень важна для Ж.Делёза. Философ вводит её через онтологию языка, разработанную в учении стоиков. Стоики разметили мир следующим образом: изначально в настоящем присутствуют только тела, смеси тел, которые воздействуют друг на друга и являются причинами друг друга. Кроме этого, однако, они производят странные «бестелесные» эффекты, которые нельзя даже назвать качествами или свойствами вещей. Ж.Делёз их определяет как логические атрибуты положения вещей, как события. Это такие идеальности, которые постоянно находятся в становлении, о них нельзя сказать, что они существуют, скорее они упорствуют, принадлежат сверх-бытию, они выражаются только глаголами. Например, дерево кроме качества «зеленое» обладает ещё неким событием-становлением «зеленеть». Как указывает Ж.Делёз, событие хотя и возникает благодаря смешению тел, но существует в языке, потому что только язык фиксирует положение вещей. «Событие соразмерно становлению, а становление соразмерно языку». «Всё происходит на границе между вещами и предложениями» (2, р. 22). Событие является такой границей, оно всегда двойственно: одной стороной оно направленно к вещам, а другой – к языку. Событие и смысл – это одно и то же. Таким образом, дуальность слов и вещей, языка и тел, возникает из оппозиции телесных причин и идеальных эффектов, событий.

Двойственность смысла возникла благодаря его связи с парадоксом чистого становления, который утверждает сразу два смысла, движущихся в противоположных направлениях. «Парадокс чистого становления с его способностью ускользать от настоящего – это парадокс бесконечного тождества: бесконечного тождества обоих смыслов сразу – будущего и прошлого, дня до и дня после, большего и меньшего, избытка и недостатка, активного и пассивного, причины и эффекта» (2, р. 14). Поскольку смысл всегда движется в двух направлениях сразу, то он создает две серии «означающего» и «означаемого». Это можно продемонстрировать на примере парадокса регресса, или неопределенного размножения, который заключается в «неспособности высказать смысл говоримого мной, то есть высказать в одно и то же

время нечто и его смысл» (2, р. 45). Предложение, высказывающее нечто, указывающее на некоторое положение дел, не может одновременно с этим высказать свой смысл. Для этого требуется другое предложение, которое, обозначая первое, свой смысл тоже не ухватывает. Это как в случае с картиной, которая, изображая пейзаж, не может изобразить себя в нем, для этого нужна другая картина. Таким образом, мы всегда будем иметь не одну серию отсылающих друг к другу обозначений, а две серии – серию денотаций и серию смыслов. Эти разнородные серии могут быть заданы по-разному: слова и вещи, события и положения вещей, глаголы и прилагательные, выражение и денотация. Важно, что в одной серии присутствует смысл, а другая серия противостоит первой. Фактически, имеются две серии: «означающего» и «означаемого». «Означающее – это прежде всего событие, понятое как идеальный логический атрибут положения вещей, а означаемое – положение вещей вместе с его свойствами и реальными отношениями» (2, р. 56).

Любая структура будет состоять из этих двух серий. Структуры и серии лучше описывать с помощью понятия «сингулярности». Любое событие состоит из совокупности сингулярностей. Сингулярности – это «поворотные пункты и точки сгибов; узкие места, узлы, преддверия и центры; точки плавления, конденсации и кипения; точки слез и смеха, болезни и здоровья, надежды и уныния, точки чувствительности» (2, р. 73). Сингулярность – это точка, к которой сходятся серии. Поскольку каждая серия – это поток сингулярностей, то каждая состоит из подсерий. Таким образом, событие, структура приобретает вид ризомы (корневища), где отсутствует центр и какое-либо главное решение, где представлены все возможные варианты развития события, это некое множество возможных миров. Распределением сингулярностей создается проблемное поле, в котором ещё не ясно, какой вариант события реализуется. Каждая комбинация, каждое конкретное распределение точек – это событие, но все они коммуницируют друг с другом в одном Событии. Проиллюстрируем сказанное следующими примерами: возможно одно Событие уравнения конических сечений, но множество событий его решения – круг, эллипс, гипербола, парабола, прямая линия.

Координация разнородных серий осуществляется с помощью парадоксального элемента, или нонсенса, который циркулирует по сериям, заставляя их резонировать и сходить к одной точке, при условии, что он же обеспечивает расхождение серий. Он постоянно размножает серии, но и создает подобие некоего единства благодаря дизъюнктивному синтезу. Нонсенс способен выражать свой собственный смысл. «Нонсенс – это то, что не имеет смысла, но также и то, что противоположно отсутствию последнего, что само по себе дарует смысл» (2, р. 95). Он напоминает платоновскую хору, некое место без места, место дающее место всему остальному, но само им не являющееся. Нонсенс всегда смещен относительно самого себя, он – пустое место, дарующее смысл, он производит смысл. Введение парадоксального элемента проясняет то, почему смысл является одновременно и границей двух серий и реализуется в «означающей» серии. Парадоксальная инстанция производит смысл на границе двух серий, но лишь таким образом, что он присутствует на границе в своем постоянном ускользании. Устойчивый смысл явлений, выражений, с которым мы привыкли иметь дело, то есть здравый или общезначимый смысл, является лишь одним

из возможных распределений сингулярных потоков, лишь результатом работы раздваивающегося смысла на границе, или, правильнее сказать, нонсенса.

Развертывая логику смысла, Ж.Делёз отмечает ряд проблем, с которыми ему пришлось столкнуться. По-видимому, все они связаны с представлением смысла, в основе своей различного и, соответственно, с допущением генетичности смысла.

С одной стороны, постулируется, что смысл – нейтральная, независимая от отношений предложения и положения вещей, сущность. С другой стороны, только с его помощью предложения и явления в мире становятся осмысленными, так как он обладает генетической силой в отношении языка и вещей. Ж.Делёз объясняет это тем, что смысл, обретающийся на поверхности вещей, являющийся эффектом смещения тел, зависит от них как от своей причины. Но он оказывается свободным от их влияния, если мы рассматриваем его на поверхностном уровне как нечто, производимое работой нонсенса, квази-причиной. Это можно показать следующим образом: несомненно, что «события на поверхности жидкости отсылают, с одной стороны, к межмолекулярным изменениям, от которых они зависят как от своей реальной причины, а с другой, – к вариациям поверхностного натяжения, от которого они зависят как от своей квази-причины» (2, р. 121). Итак, смысл нейтрален, когда берется независимо от причины, и генетичен, когда рассматривается на поверхностном уровне как зависящий от квази-причины. Фактически эта поверхность является трансцендентальным полем, которое осуществляет наделение смыслом и генерирует другие измерения предложения. Однако это трансцендентальное поле не наделено какими-либо свойствами сознания, трансцендентального Эго и т.д. В нем невозможно найти никаких точек идентичности. Это – трансцендентальное поле без Я. Потоки сингулярностей, организующие его, доличностны, доиндивидуальны, нейтральны.

Приведенным выше описанием уже практически показано решение Ж.Делёзом другой проблемы, а именно: как смысл производит положение вещей, в которых воплощается, и сам производится этими вещами. Понятно, что смысл здесь берется в его отношении к причине. Смещение тел в глубине порождает поверхность; до того как поверхность сформировалась, то есть фактически возник язык, наличествовали лишь тела, телесные смеси. Таким образом, глубина формирует поверхность смысла, а поверхность уже, в свою очередь, начинает определять, вносить смысл в план вещей. Но по-прежнему поверхность смысла определяется глубинными, бессознательными процессами.

Другой вопрос, на который отвечает Ж.Делёз, сводится к следующему: «Можно ли уловить и возжелать событие вне его привязки к телесным причинам, в результате которых оно происходит?» (2, р. 174). Он считает, что это невозможно. Мало представить событие, надо понять, как оно связано с жизнью. Ж.Делёз отвергает образ философа, пассивно созерцающего статичные идеи, по его мнению, философ должен быть вовлечен в жизненную стихию, через телесную практику постигать постоянно становящиеся, изменяющиеся, – как и сама жизнь, – идеальные события. Он вспоминает Л.Витгенштейна: «Итак, вне действенной “способности” их применения, представления остаются безжизненными и бессмысленными. Л.Витгенштейн и его последователи правы, когда определяют [языковые] значения ссылкой на способ их употребления» (2, р. 177). Таким образом, понимать идеальное событие, смысл - значит

понимать причины, его породившие, и иметь возможность их контролировать, делая идеальное событие квази-причиной.

Итак, в своей логике смысла Ж.Делёз с помощью несколько своеобразной терминологии представляет язык как нечто, осуществляющее обозначение положения вещей в мире. Чтобы объяснить, каким образом слова сопрягаются с вещами, он вводит понятие смысла как четвертого отношения в предложении. Смысл при этом понимается не как статичная, самотождественная идея, а как то, в основе чего лежит радикальное различие. Он сопричастен нонсенсу и парадоксу, которые осуществляют не только генезис смысла, но и всего языка. Фактически Ж.Делёз, пытаясь преодолеть метафизические концепции, просто переворачивает их. В самом начале работы Ж.Делёз указывает на то, что «бракосочетание между языком и бессознательным – уже нечто свершившееся» (2, р. 11). Объяснение поверхностной природы смысла как различающейся инстанции, обладающей генетической силой, заставляет Ж.Делёза смещаться сначала в сторону трансцендентального поля, как условия смыслообразования, а затем и в сторону глубины бессознательного. Таким образом, оказывается, что преодоление статичных идей платонизма по сути является лишь переворачиванием схемы «идея – симулякр». Интерес переключается с поверхностного аспекта языка, смысла как парадоксального явления на хаотическое разнообразие жизни, шизофренические глубины телесных смесей и бессознательное. Ж.Делёз открыл поверхностный уровень языка, парадоксальную инстанцию смысла, но сам не смог удержаться на этой поверхности и преодолеть классические схемы в объяснении языка и тем самым свел всю парадоксальность языка на нет.

Пытаясь объяснить парадоксальную поверхностную природу языка, Ж.Делёз обращается к работам Л. Кэррола. Это наталкивает на мысль, что английская философия с её традиционной склонностью к эмпиричности и аналитичности, возможно, сумеет каким-либо образом осветить эту поверхностность языка. Интересно, что французский философ сам указывает на то, что «подлинные образы парадокса мы находим разве что в Дзен-Буддизме, да ещё – в английском и американском нонсенсе. В первом – самое глубокое есть вместе с тем и самое непосредственное, а во втором – непосредственное обнаруживается в языке» (2, р. 22). В последние годы многие исследователи действительно отмечали некоторое сходство между аналитической философией и дзенской практикой, особенное внимание уделялось сходству работ Л.Витгенштейна с работой дзенских мастеров. Попытки Ж.Делёза сблизиться с английской традицией мышления и с традицией дзен, провести сравнение, правда, едва ли правомерное, своей философии с подходом Л.Витгенштейна, побуждают нас обратиться к английской аналитической философии, представленной, прежде всего, философией обыденного языка.

References:

1. *Diogenes Laertius About the life, teachings and sayings of famous philosophers.* Moscow, 1979.
2. *Deleuze G. Logic of Sense.* Moscow, 1995.

